

Литературные известия

№ 9 (231)
Сентябрь 2024

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ХРИСТИАНСКИЙ ДУХ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Сегодня в номере:

Атланты литературы

*

Проза

*

Поэзия

*

Рецензии

*

Литературное обозрение

*

Литературный кроссворд

*

Реклама



РЕКЛАМА



**«Диалог» —
ЭТО ВАШ
ТЕЛЕКАНАЛ!**

**Телекомпания
«Диалог» создает
фильмы о тех людях
и фирмах,
которые добились
значимых результатов
в жизни.**

www.tv-dialog.ru



Цикл рассказов **«Записки охотника»** (1852) **Ивана Сергеевича Тургенева** (1818–1883) — одна из тех книг отечественной классики, где наиболее сильно выражены духовные стороны личности простого русского человека, «русский дух», где в прямом смысле «Русью пахнет»: «Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи; воздух весь напоен свежей горечью полыни, медом гречихи и «кашки»; вдаль стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце» («Лес и степь»)¹.

В рассказе «Певцы» Тургенев пишет о своем герое: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль» (3, 222). Писатель явил себя таким же певцом благословенной русской земли, с тем же одухотворенно-проникновенным голосом: «Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны» (3, 222). Этими тургеневскими словами можно было бы выразить пафос цикла рассказов в целом.

Неслучайно **И. А. Гончаров** (1812–1891), прочитав «Записки охотника» во время своего кругосветного путешествия, у берегов Китая — за тысячи верст от России — ощутил ее дух, ее живое присутствие: «заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля и <...> прощай, Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я — все забыл. Орёл, Курск, Жиздра, Бежин луг — так и ходят около». Гончаров также отметил, что Тургенев не только с детства «пропитался любовью к родной почве своих полей, лесов», но и «сохранил в душе образ страданий населяющего их людей»².

В год кончины Тургенева его друг и земляк, поэт **Я. П. Полонский** (1819–1898) говорил: «И один рассказ его «Живые мощи», если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

Ф. И. Тютчев (1803–1873) пронзительно уловил в «Записках охотника» тургеневское стремление к синтезу реального и сакрального: «поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного»³.

Известно, какое глубокое впечатление произвели «Записки охотника» на земляка Тургенева — **Н. С. Лескова** (1831–1895), заслуженно признанного «величайшим христианином среди русских писателей»⁴. Он испытал настоящее нравственно-психологическое потрясение, впервые прочитав цикл тургеневских рассказов: «весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством»⁵.

М. Е. Салтыков-Щедрин (1826–1889) справедливо считал, что «Записки охотника» значительно повысили «нравственный и умственный уровень русской интеллигенции»⁶.

Рассказы тургеневского цикла, по признанию **Л. Н. Толстого** (1828–1910), открыли ему еще в юности, что русского мужика «можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно описывать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом»⁷.

В. Г. Короленко (1853–1921) вспоминал, как, познакомившись в свои гимназические годы с «Записками охотника», впервые испытал чувство внутреннего обновления, ощутил духовное просветление: «Меня точно осияло. Вот они, те «простые» слова, которые дают настоящую, неприкрашенную «правду» и все-таки сразу поднимают над серенькой жизнью, открывая ее шири и дали, <...> озаренные особенным светом»⁸.



Картина Н. Дмитриева-Оренбургского
«И. С. Тургенев на охоте», 1879

М. Горький (1868–1936) называл «Записки охотника» в числе книг, которые «вымыли» ему душу, «очистив ее от шелухи»⁹.

Сходное впечатление испытывает и современный вдумчивый читатель, хотя со дня публикации первого рассказа цикла «Хорь и Калиныч» (1847) минуло более 175 лет и 170 лет — со времени первого отдельного издания «Записок охотника» (1852). «Склад жизни изменился, а звук души остается»¹⁰, — говорил Б. К. Зайцев (1881–1972) о восприятии тургеневского творчества в статье «Непреходящее» (1961).

Доминантой приведенного выше отзыва Лескова о «Записках охотника» является слово «правда» во всей его полисемантической объемности: правдивость реалистического изображения; реализм в «высшем смысле», одухотворенный романтической традицией; и главное — правда как вечное стремление к высшей Истине, к идеалу Христа, возвестившего: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14: 6).

Герои «Записок охотника» — русские православные люди. Как известно, понятие «русский» исторически уже подразумевало: «православный христианин». Свидетельство полноценного, духовно не поврежденного чувства национального достоинства — народное самоназвание: «крестьяне», в простонародной артикуляции — «хрестьяне», то есть «христиане» — верующие во Христа.

В бытии и быте народа охотимо живое Божье всеприсутствие. Христос — в жизни, в сердце,

на устах русского человека. «Господи, владыко живота моего!» (3, 37); «ах, Господи, Твоя воля!» (3, 16); «прости, Господи, мое прегрешенье!» (3, 137), — то и дело приговаривают герои тургеневских рассказов: старик Туман («Малиновая вода»), Калиныч («Хорь и Калиныч»), мужик Анпадист («Бурмистр»), многие другие. Наслушавшись в ночном зловещих поверий о нечистой и неведомой силе, маленькие герои рассказа «Бежин луг» ограждают себя крестом, именем Божиим. Все герои «Записок охотника» молятся, осеняют себя крестным знамением, божатся, призывают «Господа Бога в свидетели» (3, 182), просят «ради Самого Господа Бога нашего» (3, 42), уповают на «силу крестную» (3, 95); на то, что «Бог милостив» (3, 78), и т. д.

Все это не формализация застывших речевых оборотов, а духовная составляющая русского языка, словесное выражение православного духа русского народа, христианской языковой среды его обитания; показатель глубинной связи слова с самой его сущностью в таинстве языка: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1).

В каждом жилище русского человека: будь то помещичий дом или крестьянская изба — теплятся лампадки перед святыми образами: «перед тяжелым образом в серебряном окладе» в богатой избе Хоря («Хорь и Калиныч» — 3, 9); в «чистенькой» комнатке провинциальной барышни («Уездный лекарь» — 3, 42). Чистое пламя лампадок, свечей символизирует горение духовное, благоговение, внутренний трепет перед Богом в надежде покаяния и обновления души. Православный человек, входя под любую кров, прежде всего крестится на образа, показывая тем самым, что истинный хозяин дома — Господь Бог. Так, в больнице у фельдшера «мужик вошел в фельдшерovu комнату, поискал глазами образа и перекрестился» («Смерть» — 3, 202).

Тургенев упоминает также народный обычай с образами обходить пострадавшие от пожара лесные угодья — с тем чтобы с Божьей помощью возродить оскудевшую «производительную силу» земли на таких «заказанных» (с образами обойденных) пустырях» («Смерть» — 3, 198). «А с Богом-то завсегда лучше» (3, 352), — так выражает убеждение всякого православного человека Филофей — герой рассказа «Стучит!».

На Руси в каждом селе — в таком, например, как Шумихино, «с каменной церковью, воздвигнутой во имя преподобных Козьмы и Дамиана» («Малиновая вода» — 3, 31) — была церковь. Божьи церкви становились духовно-организующими центрами благословенных пространств родной земли. Храмы являлись и целью паломничества, и пространственными ориентирами, и условленным местом встречи для странников, путешествующих. Так, рассказчик-охотник сказал своим спутникам, что будет «ждать их у церкви» («Льгов» — 3, 77), и «добрался наконец до большого села с каменной церковью в новом вкусе, то есть с колоннами» («Контора» — 3, 139).

Все крестьяне в «Записках охотника» — люди Божьи. Каждый наделен своими талантами и дарованиями. Особо одаренные натуры: Яков Турок («Певцы»), Павлуша («Бежин луг»), Матрёна («Пётр Петрович Каратаев»), Акулина («Свидание»), Лукерья («Живые мощи»);

Продолжение на стр. 2

Продолжение. Начало на стр. 1

главные герои одноименных рассказов Хорь и Калиныч, Бирюк, Касьян с Красивой Мечи и другие — выписаны ярко, рельефно, выпукло.

Но есть и такие, которые кажутся совсем невзрачными, как бы невидимыми, живут что называется «святым Духом». Но и эти с виду неприметные люди пребывают в лоне православных традиций. Так, церковный сторож Герасим проживал в каморочке «Христа ради» (3, 31), как и другой герой рассказа «Малиновая вода» — Стёпушка, который «не получал решительно никаких пособий, не состоял в родстве ни с кем, никто не знал о его существовании», и все же в «Светлое Воскресенье с ним христосовались» (3, 32).

Вглядываясь в русскую литературу, известный духовный писатель XX века митрополит **Вениамин (Федченков)** (1880–1961) отмечал, как «мало в ней положительных типов! Все больше грешные, страстные. Хорошие люди почти исключение». Среди этих «исключений» названы герои «Записок охотника», где «изображены преимущественно люди из "простого народа", немало хороших людей. Из всех выделяется истиннопреподобная Лукерья ("Живые мощи")»¹¹.

Писатель показал русских людей как искателей и носителей истины, Божьей правды. «Мысль народная» во всех ее ипостасях, в национально-русской, всемирно-исторической и метафизической перспективах — всепроникающая в цикле рассказов. Тургенев писал Полине Виардо: «Я продолжу мое изучение русского народа, самого странного и самого удивительного народа на свете».

Таков главный герой рассказа «Касьян с Красивой Мечи» — образ странный и удивительный. В нем ярко выражены христианские черты, и в то же время — много сложного, противоречивого. Недосказанность как художественный прием в создании образа особенно усиливает его загадочность, неоднозначность.

Охотник настолько потрясен встречей с Касьяном, что на мгновение теряет дар речи: «до того поразила меня его наружность. Вообразите себе карлика лет пятидесяти с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми черными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке. Все тело его было чрезвычайно тщедушно и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странен его взгляд. <...> Звук его голоса также изумил меня. В нем не только не слышалось ничего дряхлого, — он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен» (3, 110).

Карлик с диковинной внешностью выглядит как существо таинственное, полусказочное. Этот «странный старичок» (3, 110) чем-то напоминает гриб, высунувшийся из-под земли. И в самом деле, герой органично связан с землей, с родной почвой, с русской природой. Касьян, словно лесной гном, — хранитель леса и его обитателей.

Гибель вековых деревьев ради корыстных коммерческих интересов, проплешины в лесу после вырубки (на орловском диалекте — «ссечки») вызывают в Касьяне душевную боль. Не имея возможности помешать хищническому уничтожению леса, герой апеллирует к Божьему суду: «Тут у нас купцы рощу купили, — Бог им судья, сводят рощу-то, и контору выстроили, Бог им судья» (3, 111). Да и сам автор видит в рубке леса нечто трагическое, уподобляя срубленное дерево человеку, погибающему в последнем земном поклоне: «Вдали, ближе к роще, глухо стучали топоры, и по временам, торжественно и тихо, словно кланяясь и расширяя руки, спускалось кудрявое дерево...» (3, 114).

Касьян живет в полном симбиозе с миром природы, буквально говорит с ней на ее языке. Завидев маленьких птичек, «которые то и дело перемещаются с деревца на деревцо и посвистывают, внезапно ныряя на лету, Касьян их передразнивал, перекликался с ними; поршок* <*молодой перепел. — Примечание Тургенева. — **А.Н.-С.**> полетел, чирикал, у него из-под ног — он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, — Касьян подхватил его песенку» (3, 113).

Природа в ответ открывает герою целительные тайны своей «Божьей аптеки»: «есть травы, цветы есть: помогают, точно. Вот хоть череда, например, трава добрая для человека; вот подорожник тоже; об них и говорить не зазорно: чистые травы — Божии» (3, 118). Вместе с живительными «чистыми», «Божьими» травами Касьяну ведомы и другие растения — загадочные, «греховные», применяемые только вкупе с молитвой: «Ну, а другие не так: и помогают-то они, а грех; и говорить о них грех. Еще с молитвой разве...» (3, 118).

Так, в своей практике врачевания Касьян также предстает как христианин, оградивший себя молитвой, заручившийся Божьей помощью. Сопровождая охотника, таинственный знахарь «беспрестанно нагибался, срывал какие-то травки, совал их за пазуху, бормотал себе что-то под нос и все поглядывал на меня и на мою собаку, да таким пытливым, странным взглядом» (3, 113).

В обывательской среде знахарей часто считали колдунами, подозревали в сношениях с нечистой неведомой силой. Однако настоящий народный целитель не только наделен открытым ему знанием сил природы. Чтобы врачевать, лекарь должен быть нравственно чистым, духовно возвышенным. Касьян помогает людям бескорыстно, от души, не помышляя о вознагра-

ждении за свои познания и труды. На вопрос, чем он промышляет, герой отвечает: «Живу, как Господь велит <...> — а чтобы, то есть, промышлять — нет, ничем не промышляю» (3, 117). В этом он следует евангельскому завету, данному Христом Апостолам, — о том, чтобы бескорыстно делиться с людьми тем талантом, который получен человеком от Бога в дар: «*Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте*» (Мф. 10: 8).

В народе целителя Касьяна справедливо именуют «лекарка» (3, 112), но он уверен, что и здоровье, и жизнь человека — все в Божьей воле: «Лекаркой меня называют... Какая я лекарка!.. и кто может лечить? Это все от Бога. <...> Ну, конечно, есть и слова такие... А кто верует — спасется, — прибавил он, понизив голос» (3, 118). В этих последних словах героя — сокровенная убежденность в действенной силе христианской веры. Согласно заповеди Христа, «если вы будете иметь веру с горчинное зерно», «ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17: 20). В новозаветном эпизоде воскрешения дочери Иаира Христос говорит: «*Не бойся, только веруй, и спасена будет*» (Лк. 8: 50).

Касьян с его идеалами добра и милосердия наделен чертами праведника. С другой стороны — сумеречная таинственность судьбы героя вносит диссонанс в его образ, не позволяя ему быть до конца открытым, светлым. Так, у Касьяна есть дочь, но он говорит о ней — «сродственница», скрывая ее происхождение, хотя их кровная связь, внешнее сходство для всех очевидны. Очередная загадка: о матери девушки никто не знает, герой об этом тоже умалчивает.

Кровь, ее пролитие особенно страшат Касьяна. Недоверчиво и неодобрительно относится он к охотникам. Герой смотрит на охоту как на жестокое истребление, бессмысленное убийство «Божьих тварей», напрасное пролитие невинной крови, смертный грех нарушения библейской заповеди «*не убий*»: «Пташек небесных стреляете, небось?.. зверей лесных?.. И не грех вам Божьих пташек убивать, кровь проливать неповинную?» (3, 110).

Этот грех тем более непростительный, что совершается он для пустого развлечения, а не ради хлеба насущного, испрашиваемого в молитве Господней «*Отче наш*»: «*хлеб наш насущный даждь нам днесь*» (Мф. 9: 11). И Касьян не страшится открыто уличить барина в грехе убийства «братьев наших меньших»:

«Ну, для чего ты пташку убил? — начал он, глядя мне прямо в лицо.

— Как для чего?.. Коростель — это дичь: его есть можно.

— Не для того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его для потехи своей убил» (3, 116).

С этим наставлением «рифмуется» оценка охотников, данная Лукерьей — героиней рассказа «Живые мощи»: «В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занято! Одна влетит, к гнездышку припадет, деток накормит — и вон. Глядишь — уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесется, а детки тотчас — ну пищать да клювы разевать... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорытился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа охотники, злые!» (3, 331).

Касьян также не боится устыдить барина, внушает ему мысль отказаться от жестокой забавы: «много ее, всякой лесной твари, и полевой и речной твари, и болотной и луговой, и верховой и низовой — и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела... А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб — Божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов» (3, 116).

В определении хлеба как Божьей благодати кроется священная сущность: «*хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру*» (Ин. 6: 33). Так хлеб — одно из евангельских самоименований Иисуса Христа: «*Аз есмь хлеб жизни*» (Ин. 6: 35), «*ядущий его не умрет*» (Ин. 6: 50). «*Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий*» (Ин. 6: 27), — заповедал Господь.

Касьян в свои бесстрашные поучения барину вкладывает именно этот евангельский смысл. Крестьянин наделен поистине апостольским даром слова. Так, святые Апостолы просили у Бога духовного укрепления, мужества на стезе христианского благоговения: «*И ныне, Господи, <...> дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое, <и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие с дерзновением*» (Деян. 4: 29, 31).

Одухотворенно-«дерзновенное» слово Божие на устах мужика не может в очередной раз не вызвать глубокого изумления автора-повествователя: «Я с удивлением поглядел на Касьяна. Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностью, изредка закрывая глаза. <...> Я, признаюсь, с совершенным изумлением посмотрел на странного старика» (3, 116). Так удивлялись словам Апостолов «*начальники народа и старейшины*» в Новом Завете, «*видя смелость Петра и Иоанна и приметивши, что они люди не книжные и простые <...> между тем узнавали их, что они были с Иисусом*» (Деян. 4: 13).

Касьян говорит, как древний пророк, как прорицатель: «Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят просто-

людины, и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно-торжественный и странный... Я не слышал ничего подобного» (3, 116–117). Слова мужика по своей сути и по стилю уподобляются священнической проповеди. В «обдуманно-торжественной» речи Касьяна с большим духовным подъемом выражены представления о святости и грехе: «Кровь, — продолжал он, помолчав, — святое дело крови! Кровь солнышка Божия не видит, кровь от свету прячется... великий грех показать свету кровь, великий грех и страх... Ох, великий!» (3, 116).

Герой старается довести до сознания охотника библейское понятие о крови как предмете таинственном и священном. В Ветхом Завете кровь ассоциируется с самой жизнью, с живой душой: «*кровь есть душа*» (Второзаконие. 12: 23); «*душа тела в крови*», «*ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его*» (Лев. 17: 11, 14). Бог заповедал Ною: «*только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте*» (Быт. 9: 5). В Новом Завете Апостолы проповедуют сознания охотника «*воздерживаться от идоложертвенного и крови*» (Деян. 15: 29), отказаться от использования крови в каких бы то ни было целях. Жертвенной кровью распятого на Голгофе Христа побеждена смерть, омыты грехи спасенного человечества.

Чаяния русского крестьянства о спасении Божьей милостью, о том, что «*придут времена отрады от лица Господа*» (Деян. 3: 20), мечты о народном счастье находили воплощение в странных скитаниях. Странничество, правдоискательство было своеобразной формой оппозиции несправедному устройству социальной жизни, протестом против угнетения и закрепощенности свободной в Боге человеческой души. Не только лучшей доли в социально-бытовом смысле искали престононародные странники, но и — прежде всего — духовно-нравственного идеала, Божьей «правды-истины», как она определялась в русском фольклоре, народнопоэтическом сознании.

Касьян — один из таких странников — получил в народе еще одно прозвище: Блоха. Вероятно, из-за малого своего роста и прыти, способности к динамичным перемещениям. С другой стороны, зоологическое прозвище — отсылка к паразитарному насекомому — снижает образ: «Недаром его прозвали Блохой. Его черная, ничем не прикрытая головка <...> так и мелькала в кустах. Он ходил необыкновенно проворно и словно все подпрыгивал на ходу» (3, 113).

«Человек я бессемейный, непосед» (3, 119), — говорит он о себе. Может быть, душу загадочного Касьяна, именующего себя «грешным», тяготит какой-то тайный грех, который требует искупления. Оттого он и мается, не находит душевного равновесия. Это гипотеза, но бесспорно другое: его неусыдчивость, «непоседливость», «охота к перемене мест» вызваны томлением народного духа по высшей правде: «И не один я, грешный... много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут...» (3, 119).

Универсальный в отечественной литературе мотив странничества в поэтике «Записок охотника» становится сквозным, находит свое разностороннее художественное выражение. Даже в рассказе об обездвиженной героине «Живые мощи» явственно звучит мотив паломничества, богомолья. Парализованная Лукерья представляет себя странницей среди других русских паломников-богомольцев: «Вижу я, что сию я этак будто на большой дороге под ракитой, палочку держу остроганную, котомка за плечами и голова платком окутана — как есть странница! И иди мне куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходят мимо меня все странники» (3, 336).

Вековечное русское странничество («Сколько странников ходило и скитальцев по Руси... <...> Мало что переменялось, хоть сменялись, шли века»¹²) в наши дни нашло подкрепление в поэме **Николая Мельникова** (1966–2006) «Русский крест» (1996). Здесь показана «дорога поисков силы и смысла жизни», «жажда чистоты душевной»¹³. В образе «странника с крестом» воплотились прошлое и настоящее России, ее грядущие судьбы, восхождение души к Богу:

«Я грешил на свете много,

А теперь вот сам молюсь...

Если все попросим Бога

За себя, за нашу Русь,

За грехи людские наши

И за весь позор и стыд —

Неужели ж Он откажет,

Неужели не простит? —

В пояс кланялся, прощался,

Крест на плечи поднимал

И в дорогу отправлялся.

А куда — никто не знал...»¹⁴.

Тургеневский Касьян в своих странствиях не находит искомого совершенства: «Справедливости в человеке нет, — вот оно что...» (3, 119). Но сам процесс поисков идеала приносит ему душевное облегчение: «Да и что! много, что ли,

Продолжение на стр. 3

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ХРИСТИАНСКИЙ ДУХ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Продолжение. Начало на стр. 1

дома-то высидишь? А вот как пойдешь, как пойдешь, — подхватил он, возвысив голос, — и полечит, право» (3, 119).

В образе героя духовный подъем, духовное раскрепощение соединяются с патриотическим чувством русского национально-го единства. Этот странник-правдоискатель — деятель и созерцатель одновременно. Ему открыта одухотворенная красота родной земли, любясь которой Касьян испытывает глубокую любовь и нежность. Он одушевляет Русь, подбирает ласкательные имена ее городам и рекам — всем местам, где ему довелось побывать: «Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромён ходил, и в Синбирск — славный град, и в самую Москву — золотые маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку» (3, 119). Генетически герой связан с миром прекрасно-го: недаром он родом с *Красивой* Мечи. Места, где протекает эта река — Красивая Меча (или Мечь) — приток Дона, — считались одними из наиболее живописных в европейской части России.

Касьян не перестает удивляться дивному чуду гармоничного Божьего мира. Для того чтобы видеть и всей душой воспринимать это чудо, нужно быть чудовидцем, духовно отзывчивым «очарованным странником». Именно таков Касьян. Религиозный характер несут его эстетические переживания красоты природы как Божьей благодати: «И солнышко на тебя светит, и Богу-то ты видней, и поется-то ладнее. Тут, смотришь, трава какая растет; ну, заметишь — сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напьешься — заметишь тоже. Птицы поют небесные... А то за Курском пойдут степи, этакie степные места, вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот Божия-то благодать! <...> Эко солнышко! — промолвил он вполголоса, — эка благодать, Господи! эка теплынь в лесу!» (3, 119–120).

Любование героев «Записок охотника» своей Родиной, русской землей сливается с голосом автора, рисующего с про-никновенной любовью в каждом рассказе цикла художественные картины природы, «прозрачные, будто сотканые из воздуха образы»¹⁵. Точные до мельчайших деталей, узнаваемых примет тургеневские пейзажи представлены в их пространственной глубине, игре света и тени, оттенков красок, в переливах звуков и ароматов. Эти живые образы словно сливаются с дыханием, с биением сердца русского человека. Картины природы настолько одухотворены, что в них отчетливо ощути-мо Божье всеприсутствие, незримое вышнее заступничество. Русский пейзаж, воссозданный не в линейной перспективе и даже не в трехмерном пространстве, а с выходом в некое четвертое — духовное — измерение, становится самостоятель-ным сквозным «героем» тургеневского цикла рассказов, формирует чувство национального единства, цельный и прекра-сный образ Родины, Богохранимой земли русской.

Вот, например, как выглядят под пером Тургенева родные места на рассвете: «А между тем заря разгорается; вот уже золо-тые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаво-ронки звонко поют, предрассветный ветер подул — и тихо всплы-вает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любо! Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подальше другая с белой церковью, вон березовый лесок на горе» («Лес и степь» — 3, 355). Столь же христиански «осердечена» зарисовка летней ночи: «Картина была чудесная <...> Темное чистое небо торжест-венно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таин-ственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи», и, «тихо мигая, как бережно несомая свечка», затеплилась на небе «вечерняя звезда» («Бежин луг» — 3, 90; 86).

В народно-поэтическом сознании живет неистребимая мечта о сказочном чуде, золотом «тридесатом царстве» — мире благоденствия, свободы и справедливости, где добро неизбежно одерживает верх над злом, правда пересиливает кривду.

Сказочность и странничество как формы духовной жизни народа соотносятся в жизни русского скитальца: «И идут они, люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости... И вот уж я бы туда пошел...» (3, 119).

С этими народно-странническими мечтами Касьяна с Красивой Мечи перекликаются детские грезы засыпающих в ночном маленьких героев «Бежина луга». Они убаюканы сладкими надеждами на дивное чудо в сказочной земле за «теплыми морями», куда отправляются птицы небесные:

- «— Это кулички летят, посвистывают.
- Куда ж они летят?
- А туда, где, говорят, зимы не бывает.
- А разве есть такая земля?
- Есть.
- Далеко?
- Далеко, далеко, за теплыми морями.
- Костя вздохнул и закрыл глаза» (3, 104).

В поэтизации странничества переплетаются мотивы фоль-клорные и христианские. Простонародные русские скитальцы в чаянии «довольства и справедливости» ищут те заветные места, где Христос «низложил сильных с престолов и вознес

смирненных; алчущих исполнил благ, а богатыщихся отпустил ни с чем» (Лк. 1: 52–53). Священная, светлая птица Гамаюн в мифологическом ракурсе олицетворяет чудодейственное заступничество. Эта птица — Божья вестница, подательница надежды на чудо Божьего Промысла. Окрашенное в золотой цвет «иное царство, небывалое государство» соотносится с сол-нечным светом, с небесной сферой. В христианском контексте сказочное «золотое царство» соотносимо с евангельским откро-влением об уготованном для праведных светоносном «золотом граде» Небесном Иерусалиме, в котором «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет»; «ночи там не будет»; «спасенные народы будут ходить во свете Его» (Отк. 21: 4, 24, 25).

«Юродивец» — третье прозвище Касьяна. Его поведение представляется окружающим странным, нелепым. И сам он выглядит человеком чудакватым, почти безумным: «Неразумен я больно, с мальства» (3, 117). Касьян, не заня-тый, как все, крестьянским трудом, признается: «Ничем я этак не занят... Работник я плохой» (3, 117). Охотник мысленно соглашается с прозвищем героя, дивясь его необычной мане-ре держаться, вести таинственные, малопонятные речи: «последние слова Касьян произнес скороговоркой, почти невнятно; потом он еще что-то сказал, чего я даже расслы-шать не мог, а лицо его такое странное приняло выражение, что мне невольно вспомнилось название "юродивца"» (3, 119).

На взгляд со стороны, «юродивец» подобен безумцу, хотя таким и не является. Касьян просветлен более многих кре-стьян, обладает широким кругозором, он грамотный человек: «Разумею грамоте. Помог Господь да добрые люди» (3, 117). В первоначальном издании рассказа герой говорил также о своем участии в церковных Богослужениях: «Случается, так в церкви Божией на крылос меня берут по праздникам. Я службу знаю и грамоте тоже разумею» (3, 468).

Касьян скорее принимает вид безумца, как многие юро-дивые. Его «неразумность» — особого рода. Он не способен «промышлять», наблюдать эгоистический, корыстолюбивый интерес. Христианская вера очищает ум и душу от маниакаль-ного стремления к наживе, корысти: «не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?» (Иак. 2: 5)

В душе герой ведет напряженную внутреннюю работу, непрерывно размышляя об истинном предназначении чело-века в соответствии с Божьим замыслом: «Да это все под Богом, все мы под Богом ходим; а справедлив должен быть человек — вот что! Богу угоден, то есть» (3, 118). Недаром в нашем языке синонимы к слову «юродивый» — «блажен-ный», «Божий человек», «Христов человек». Духовное дела-ние развивает в герое дар прозорливости, прорицания.

Таким же даром наделена Лукерья — героиня рассказа «Живые мощи».

Этот тургеневский шедевр с его глубинным религиозно-философским содержанием, весь проникнутый православным духом, вызывал заслуженное восхищение современников писа-теля и по сей день является предметом особого внимания чита-телей, литературоведов, философов, богословов, писателей.

Так, например, французский писатель и философ **Ипполит Тэн** признавался в письме Тургеневу: «Я прочел "Лукерью" три раза кряду» (3, 514). Именно рассказ «Живые мощи» позволил И. Тэну осознать всемирное значение и духовное величие русской литературы по сравнению с литературами других стран: «Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это делает явным для нас, что наши источники иссякли! Мраморные каменоломни, где нет ничего, кроме лужиц стоячей воды, а рядом неиссякаемый полноводный родник» (3, 514).

Посвящая Тургеневу свой рассказ, навеянный «Касьяном с Красивой Мечи», **Жорж Санд** так отзывалась об авторе «Записок охотника»: «Вы — реалист, умеющий все видеть, поэт, чтобы все украсить, и великое сердце, чтобы всех пожа-леть и все понять». После прочтения рассказа «Живые мощи» знаменитая французская романистка на склоне лет признала превосходство русского писателя: «Учитель, — все мы должны пройти Вашу школу» (3, 426).

Даже более чем Касьян, Лукерья вызывает у повествова-теля чувство безграничного изумления. Увидев ее, охотник буквально «остолбенел от удивления» (3, 327). Благоговение испытывает Тургенев перед мощью христианского духа, кото-рый обитает в немошном теле героини — в полном соответст-вии с антиномиями Нового Завета: «Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя соверша-ется в немощи”. <...> Посему я благодушевствую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор.12: 9–10).

С героиней рассказа — жизнерадостной крестьянской девуш-кой, красавицей Лукерьей, помолвленной невестой — незадолго до свадьбы приключилась неведомая болезнь, неподвластная лечению докторов. От начала болезни до кончины — без малого семь лет (семь — священное число духовного порядка) — обез-дуженная Лукерья пролежала одна в плетеном сарайчике на пчелиной пасеке. Медоносная пчела, когда завершает свое

благодатное земное предназначение, сохнет, чернеет, умирает. Так и Лукерья настолько внешне иссохла, что превратилась в почерневшую мумию, «живые мощи».

Охотник, знавший девушку раньше, ошеломлен жутким зрелищем, контрастирующим с его прежними впечатлениями: «Возможно ли? Эта мумия — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою уха-живали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я — шестнадцатилетний мальчик!» (3, 328).

Искрящаяся радостью и весельем физическая жизнь отле-тела, сковалась неподвижностью, тишиной. Сарайчик Лукерьи напоминает усыпальницу, гробницу: «темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмости, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура...» (3, 327).

Сакральный подтекст рассказа позволяет предположить, что Лукерья накануне замужества, то есть в один из перелом-ных моментов жизни, когда человек становится наиболее уязвимым, подверглась бесовской атаке «врага рода челове-ческого». В это время девушка думала только о себе, о своей любви, о встречах со «статным, кудрявым» женихом: «Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил» (3, 328– 29). Безоглядное чувство, всепоглощающая сосре-доточенность на личном счастье обезоруживают человека перед происками нечистой силы, выискивающей беззащитную жер-тву; могут привести к физической и духовной гибели.

Так, перед рассветом (согласно традиционным представле-ниям — время разгула нечисти, ее особой активности) Лукерье-невесте, замороженной ночными соловьиными треля-ми, почудился зов жениха: «зовет меня кто-то Васиным голо-сом, тихо так: “Луша!..”. Я глядя в сторону, да, зная, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз — да о землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро под-нялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — в утробе — порвалось... <...> — С самого того случая, — продолжала Лукерья, — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже — и полно ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; все бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется: все хуже да хуже» (3, 329).

М.М. Дунаев считал, что в этой истории болезни кроется не только «несчастная случайность», но и «слабый намек, хоть и не вполне проявленный, на бесовское вмешательство»¹⁶. Из приведенного рассказа Лукерьи не «слабо», а вполне явст-венно проступает метафизический характер недуга, сразив-шего девушку. Лукавый голос, злокозненно маскируясь под призыв жениха, влечет ее в гибельную бездну («так прямо <...> и полетела вниз»).

Отголосок этой сцены — в рассказе «Бежин луг», когда Павлуша услышал ночью над рекой предвестие его скорой гибели — зовущий голосок утопленника Васи: «Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: "Павлуша, а Павлуша!". Я слушаю; а тот опять зовет: "Павлуша, подь сюда"» (3, 104). Характерна реакция героев «Бежина луга», стремящихся при помощи крестного знамения отразить вредоносные нападе-ния нечистой силы: «Ах Ты, Господи! ах Ты, Господи! — прого-ворили мальчишки, крестясь» (3, 104).

В то же время в народном сознании живет убеждение, что истинная христианская душа выстоит, одержит верх, несмот-ря на временную победу бесовщины. Эту мысль выразил один из мальчиков в рассказе «Бежин луг»: «Эка! — прогово-рил Федя после недолгого молчания, — да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить» (3, 95).

Вера в Христа-Спасителя, религиозное мирозозерцание Лукерьи, христианское смирение становятся для нее источни-ком огромной духовной силы, несказанной душевной красо-ты. Портрет героини — также совершенно бестелесный — вызывает у автора представление о древних иконописных ликах, потемневших от времени: «Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое? Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая — ни дать ни взять икона старинного письма» (3, 327).

По определению **В.И. Даля**, «мощи — нетленное тело угодника Божия». Тургеневская героиня, прозванная в народе «живые мощи», еще при жизни становится «истиннопрепо-добной» угодницей Божией.

Охотника также крайне изумило, что мученица не сетовала на судьбу, «рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» (3, 329). Односельчанам она также не докучает: «от нее никакого не выдать беспокойства; ни ропота от нее не слышать, ни жалоб. Сама ничего не требует, а напротив — за все благодарна; тихоня, как есть тихоня» (3, 338), — рассуждает хуторской десятский.

В христианской модели мира человек пребывает не во власти языческого «слепого случая» или античного «фатума», но во власти Божественного Провидения. Героиня принимает Божью волю со смирением, с благодарением

Продолжение на стр. 4

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Продолжение. Начало на стр. 1

и молитвой: «— А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнув немного, Лукерья. — Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чем я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно» (3, 332). Страдалица-крестьянка, едва ли это сознавая, в точности следует заповеди Господа о немногословной молитве: «*молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него*» (Мф. 6: 7–8).

Случившееся с ней Лукерья понимает как данный Богом спасительный крест: «Послал Он мне крест — значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать» (3, 332) — по слову Христа: «*кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня*».

Она почти не может спать, и тем исполняет заповедь: «*Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна*» (Мф. 26: 41). «Бодрствующая» героиня приучила себя не размышлять, а молитвенно созерцать «*мир Божий, который превыше всякого ума*» (Фил. 4: 7): «Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим — да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!» (3, 332).

В народе поговаривают, что испытание тяжелой болезнью послано Лукерье в искупление за какой-то тайный грех: «Богом убитая, <...> — стало быть, за грехи; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать ее — нет, мы ее не осуждаем. Пушай ее!» (3, 338).

Готовя рассказ к печати, Тургенев в письме к Полонскому вспоминал о страшном времени голода 1841 года, когда «чуть не вымерли поголовно» Тульская и смежные с ней губернии (Орловская — в том числе). Писатель воспроизводит народный отзыв, показывающий отношение простого человека к бедствию как ниспосланному свыше испытанию — во оставление грехов: «Ты и так Богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?» (3, 511).

Так в чуткое православное сознание русского народа вживляется евангельское изречение Апостола Петра: «*страдающий плотию перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией*» (1 Пет. 4: 1, 2). В этом суть православного аскетического взгляда на жизнь: винить в несчастьях не других, а самого себя; в бедствии видеть справедливое воздаяние, ведущее через глубокое покаяние к духовно-нравственному обновлению, возрождению и спасению.

Лукерья также считает, что болезнь послана во благо ее душе, и в этом смысле она счастливее физически здоровых людей: «Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать да и говорит: "Тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоём состоянии согрешить можешь?" Но я ему ответила: "А мысленный грех, батюшка?" — "Ну, — говорит, а сам смеется, — это грех не великий". — Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом не больше грешна» (3, 330–331).

Более того — она своим безропотным перенесением многолетних страданий «отмаливает» чужие грехи, грехи родителей: «было мне видение — я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь. И, сказавши это, родители мне опять поклонились — и не стало их видно: одни стены видны» (3, 335–336).

В общерусском православном смысле воспринял образ Лукерьи Б. К. Зайцев, назвав ее заступницей «за Россию грешную, за всех нас, грешных»¹⁷.

Плоть героини умерщвлена, но дух ее возрастает. «*Посему мы не унываем, — учит Апостол Павел, — но если внешний наш*

человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4: 16). «Тело Лукерьи почернело, а душа — просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия»¹⁸, — справедливо отметил выдающийся богослов XX века архиепископ **Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)**.

Героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, невыразимые в земном слове. В своем уединении она вступает в область сверхрационального познания, религиозного откровения: «Вы вот не поверите — а лежу я иногда так-то одна, и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я — живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмет меня размышление — даже удивительно. <...> Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет, словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было — не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья» (3, 333).

В снах-видениях открывается прямая связь чуткой христианской души с запредельным миром на пороге инобытия. Вместо венка из васильков (в символическом контексте рассказа полевые васильки — намек на любовь к земному жениху Василию Полякову) девушка увенчана небесным сиянием — как нимбом святого: «Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, все поле кругом осветила» (3, 335). Свет в Евангелии не метафора и не образ, но выражение самой сущности Христа: «*Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света*» (Ин. 12: 36). В земной жизни жених оставил свою невесту-калеку. Но в духовных сферах праведницу одобряет и принимает Сам Господь: «Глядь — по самым верхушкам хорошевы катит ко мне скорехонько — только не Вася, а Сам Христос! И почему я узнала, что это Христос, сказать не могу, — таким Его не пишут, — а только Он!» (3, 335).

Лукерья становится «Христовой невестой» (устойчивое выражение, обозначающее умершую девушку или девушку, которая предпочла браку монашество): «Не бойся, говорит, невеста моя разубранная, ступай за Мною; ты у меня в Царстве Небесном хорошевы водить будешь и песни играть райские. <...> тут мы взвились! Он впереди... Крылья у Него по всему небу развернулись, длинные, как у чайки, — и я за Ним! И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка — болезнь моя и что в Царстве Небесном ей уже места не будет» (3, 335).

На крыльях христианской веры героиня духовно воспарила, «достигла того состояния целостности и высшей простоты духа, когда человек мыслит уже не рациональным рассудком, а интуицией, духом, сердцем своего бытия. Это есть состояние сердечной чистоты, что есть начало уже Царствия Божия в человеке», — комментирует архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)¹⁹.

В своем отношении к жизни и к миру Лукерья проявляет себя столь одухотворенно-сострадательно, что вновь подкрепляет ассоциацию с бесплотными женскими ликами русских икон, особенно с чудотворным образом Пресвятой Богородицы «Умиление». Выступая как заступница обездоленных, она совсем забывает о своем личном страдании: «Ничего мне не нужно; всем довольна, слава Богу, — с величайшим усилием, но *умиленно* <курсив мой. — **А. Н.-С.**> произнесла она. — Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить — крепстьяне здешние бедные — хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас Богу помолились... А мне ничего не нужно — всем довольна» (3, 337). Здесь состояние умиления в его духовном смысле обозначает соприкосновение души с Божьей благодатью.

Истинная праведница боится прогневить Бога: не ропщет на свою участь, не мучается гневом, завистью, не проклинает, а благословляет мир Божий. Обездоленная и обездвигенная, но сильная духом, она не позволяет злу проникнуть в свой внутренний мир. Наоборот, ее душа вся светится добром, участливым отношением к людям. В ее положении, хуже которого отыскать вряд ли что возможно, она беспокоится о тех, кому еще

труднее: «А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным еще хуже бывает. <...> у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землю роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? — многим хуже моего бывает» (3, 330).

Земная жизнь Лукерьи завершается под слышимый только ею «сверху» колокольный звон, призывающий ее в вечность, в Царство Небесное, в соответствии с евангельским обетованием: «*Претерпевший же до конца спасется*» (Мф. 24: 13).

«Откровение души», «торжество бессмертного в тленном», — так определил суть тургеневского рассказа архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). По его справедливому суждению, Тургенев «не только выразил жизнь в ее последней тайне, он открыл человеческую бессмертную душу, не зависящую в своей глубине ни от чего внешнего, ни от каких материальных или экономических условий»²⁰.

Преданность Божьей воле как замечательную особенность русского народа Тургенев проникновенно рисует и в рассказе «Смерть». То, как умеет умирать православный человек, — также является предметом уважительного удивления писателя и в очередной раз подтверждает его мысль о русском народе «как самом удивительном народе на свете»: «Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает» (3, 200). Так, придавленный деревом во время рубки леса подрядчик Максим в свои последние минуты думает о Боге, о покаянии: «за попом... послать... прикажите... Господь... меня наказал... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вот... ребят-то не распустил» (3, 199).

Для православных день земной кончины — день рождения в жизнь вечную.

Антикрепостническое содержание тургеневского цикла глубоко и всесторонне изучено. В то же время необходимо заострить внимание на этой теме, рассматривая ее не только как историко-литературный факт, но как проблему, не теряющую своей актуальности и в наши дни.

Жестокосердные поработители народа — изощренный изувер помещик Пеночкин и его подручный — бурмистр Софрон («Бурмистр»), Хвалынский и Стегунов («Два помещика»), господин Зверков с его говорящей фамилией и такой же зоологической внешностью («Ермолай и мельничиха»); многие другие помещики, в том числе матушка охотника, в которой различимы черты Варвары Петровны — матери Тургенева («Живые мощи»). Все они стремятся свести подневольных людей к рабскому животному состоянию. Угнетатели не только распоряжаются судьбами крепостных, физически губят их непосильным рабским трудом, голодом, нуждой, телесными наказаниями, но методически убивают живую душу. Иных доводят до самоубийства, иных — до сумасшествия.

Вот один из крохотных эпизодов, повсюду рассыпанных в цикле рассказов, за которым стоит подлинная драма исковерканной человеческой судьбы: вскользь упоминается «подверженный сумасшествию резчик Павел», который «к каждому проезжему подходил с просьбой позволить ему жениться на какой-то девке Маланье, давно уже умершей» («Смерть» — 3, 201–202).

Столь же искалечены судьбы многих крепостных, лишенных по вине господ права на любовь, личное счастье: это горничная Арина и лакей Петрушка («Ермолай и мельничиха»), Татьяна и Павел («Контора»), Матрёна («Пётр Петрович Каратаев») и другие.

В предисловии к переводам тургеневских рассказов в журнале **Чарльза Дикенса** (1812–1870) — английского писателя-христианина, наиболее родственного по духу русской классической литературе, — высказывалось негодование по поводу зверств «сильных мира сего», творящихся в стране, считающей себя «цивилизованной и христианской» (3, 430).

Не случайно официальные власти затеяли секретное следствие о «Записках охотника», усматривая в них политическую оппозиционность и опасность для правящего режима. Сотрудник Главного управления цензуры доносил министру просвещения: «мне кажется, что книга г. Тургенева делает более зла, чем добра <...>. Полезно ли, например, показывать нашему грамотному народу <...>, что однодворцы и крестьяне наши, которых автор до того опозитировал, что видит в них администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных (Бог знает, где он нашел таких!), что крестьяне эти находятся в угнетении, что помещики, над которыми так издевается автор, выставя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противозаконно, что сельское духовенство раболепствует перед помещиками, что исправники и другие власти берут взятки или, наконец, что крестьянину жить на свободе привольнее, лучше» (3, 409).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1978–1982. — Сочинения: В 12 т. — Т. 3. — С. 355. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
2. Гончаров И. А. Собр. соч. — М., 1955. — Т. VIII. — С. 262; 108–109.
3. Тютчев Ф. И. Весенняя гроза: Стихотворения. Письма. — Тула, 1984. — С. 186.
4. J. von Guenter. Leskov. — Russlands Christlichster Dichter. — Jahrgang 1. — 1926. — S. 87.
5. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956–1958. — Т. 11. — С. 12.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. — М.: Худож. лит., 1970. — Т. 9. — С. 459.
7. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. — Т. 66. — С. 409.
8. Короленко В. Г. Собр. соч. — М., 1954. — Т. V. — С. 265–266.
9. Горький М. Полн. собр. соч. — М.: Наука, 1972. — Т. 15. — С. 373.

10. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В XI т. — М.: Русская книга, 1999–2001. — Т. IX. — С. 375.
11. Митрополит Вениамин (Федченков). Молитва Господня. — М.: Отчий дом, 2010. — С. 166, 172.
12. Мельников Н. А. Русский крест. — М.: Отчий дом, 2011. — С. 33.
13. Там же. — С. 4.
14. Там же. — С. 36.
15. Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. — Т. XVIII. — М.: Гослитиздат, 1939. — С. 144.
16. Дунаев М. М. Православие и русская литература. — М., 1997. — Ч. III. — С. 37.
17. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В XI т. — М.: Русская книга, 1999–2001. — Т. IX. — С. 436.
18. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Беседы с русским народом. — М.: Ладья, 1998.
19. Там же.
20. Там же.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Сказка важна для ребенка, поскольку помогает ему познать мир. По-моему, нет на свете ни одного ребенка, который не любил бы слушать сказки. Современным родителям зачастую не хватает времени пообщаться с детьми, даже книжку на ночь почитать сил нет. А жаль. Сказка оказывает большое влияние на духовное развитие ребенка: тренирует внимание, развивает воображение, вызывает любознательность. Мало того — без сказок жить попросту скучно.

Это интересная и добрая книга, в которой на палубе сказочного корабля встречаются очень разные персонажи. Пингвин из Антарктики, Плюшевый Мишка, матрос Дина — ну куда же на корабле без юнги? А за штурвалом — Дядя Серёжа, он же — Сергей Светлов. И все на этом волшебном судне поют. И с песней смело отправляются в путь, ведь Пингвин давно хотел познакомиться с Белым Медвежонком, живущим на другом конце света...

Кроме того, озвученная книга позволяет не только прочитать, но и прослушать текст сказки с помощью современных технологий, что очень удобно для аудиалов. Песни написаны с учетом особенностей детского голоса, а также для неопытных певцов, для которых и рассказывается эта история. Сергей Светлов — профессиональный музыкант, поэтому его мелодии запоминаются легко, и маленькому читателю не составит труда быстро выучить песенку наизусть.

Слова в детской песне играют большую роль. Например, добрая песенка про капитана ледокола «Надежда» моментально «ложится на язык»:

Пусть будет шторм или туман,
Но на посту наш Капитан!
Он верный путь всегда найдет
И Ледокол вперед ведет.

Другие песни требуют более тщательного разучивания, но интересный сюжет песни помогает маленькому слушателю, как, скажем, в песенке о ките-полосатике. Четкий ритм увле-

Музыкальная сказка для детей
«Ледокол "Надежда"»
М.: «Вест-Консалтинг», 2024



кает ребенка, усиливает слуховое внимание и улучшает качество пения:

На брюшке много складочек, похожих на полоски.
Поверьте, Полосатика узнать ну очень просто.
Как высоко он прыгнул, вот это акробат!
И все его полоски на солнышке горят.

Что касается стихотворений, то над ними трудился целый авторский коллектив: с помощью музыки Сергея Светлова стали песнями стихотворения Екатерины Власовой, Михаила

Грозовского, Александра Крейдина. Если хочешь, чтобы получилась хорошая пьеса, никак нельзя писать ее в одиночку. Но что такое детская книга без иллюстраций? Авторы этой книги привлекли к созданию юных читателей. Ее страницы украшают рисунки учащихся средней школы № 3 города Тутаява. Мне кажется, это отличное решение — и Пингвин, и Северный олень, и Полярные Волки получились именно такими, какими их увидели адресаты этой истории, а не профессиональные художники. Это значит, что веселая и добрая сказка нашла отклик у детей.

Нужно мечтать, ставить цели, не терять оптимизма — такая основная идея музыкальной сказки. Причем надежда — это не когда все только хорошо. Она не отрицает испытаний и неприятностей. Но дружба помогает героям справиться с пиратами, и пройдя через плохое, они еще больше ценят друг друга и не теряют бодрого настроения:

Отбросьте любые сомнения,
Каждый должен понять,
С нами всегда приключения,
Если о них помечтать.

Как бы хотелось, чтобы в мире наступила гармония! И чтобы все у всех всегда было хорошо, как говорит Капитан: «Я думаю, что Полярные Волки загадают попасть на Луну, о которой мечтали. И не будут такими злыми. И они перестанут грустить». А Пингвин пригласит всех в Антарктику. Там никто из нас не был. Да, все загадают, что хотят. И все сбудется!». Пусть хорошее сбывается, недаром поющий ледокол называется «Надежда», а у его капитана «говорящая» фамилия — Светлов.

Вера КИУЛИНА

НОВОСТИ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ АЛЕКСАНДРА ФАЙНА



Новая книга **Александра Файна «Красный телефон-2»**, вышедшая в издательстве «Вест-Консалтинг», поступила 22.08.2024 в магазин «Фаланстер». Это четвертое и расширенное издание известной книги.

Не пропустите!

Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг»



ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА В ПЕРЕДЕЛКИНЕ



17 августа в Переделкине, в Доме-музее **К. И. Чуковского**, состоялся творческий вечер издателя и поэта **Евгения Степанова**, приуроченный к его 60-летию. Он прочитал стихи из недавно вышедшей книги избранных стихотворений **«Младший брат травы»**, а также рассказал о своей редакторско-издательской деятельности, которая длится уже 36 лет, о встречах с известными поэтами, о своей жизни в США, Франции, учебе в Швейцарии, ответил на многочисленные вопросы.

Также на вечере выступили поэты **Георгий Бойко, Татьяна Аржакова** и **Максим Крайнов**.

Они продекламировали свои стихи и получили одобрение взыскательной аудитории.

Вечер, который вел Максим Крайнов, закончился дружеским банкетом.

Сергей КИУЛИН,
Фото Максима КРАЙНОВА
и Ольги ЕФИМОВОЙ



АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Окончание. Начало на стр. 1

Как известно, далее последовали надзор тайной полиции, арест и ссылка «политически неблагонадежного» Тургенева.

Для подавляемой властью личности пространством свободы служит православная вера. Писатель показал, что крепостное право — рабство внешнее — не убило в русском народе внутренней свободы души и духа. Художественная логика тургеневского цикла рассказов неуклонно ведет к выводу о том, что люди не должны быть рабами людей — по слову **Апостола Павла**: «не делайтесь рабами человека» (1 Кор.7: 23). Люди не рабы, а дети Божьи: «Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа» (Гал. 4: 7). Тургенев утвердил богоподобное достоинство человеческой личности, ее духовную независимость. Человек рожден свыше, его Господь Отец сотворил. И этот дар творения подкреплен даром истинной

свободы — в Боге и от Бога: «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5: 1).

Те же, кто отнимает у человека этот дар Божий, суть богопротивники, бесы — носители зла. Вот почему Апостол Павел призывает: «братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его; облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:10–12).

По апостольскому слову, Христос, «отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» (Кол. 2: 15). В Новом Завете выражена вера в то,

что во втором пришествии Христа «Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть, и силу» (1 Кор. 15: 24).

Своеобразие изображения жизни в рассказах Тургенева предстает в динамике взаимодействующих планов бытия: национально-русского и вселенского; конкретно-исторического и философско-универсального; социально-политического и религиозно-нравственного; земного и надмирного; сиюминутного и вневременного, вечного — всего того, что составляет живую русскую душу «Записок охотника».

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

ХРИСТИАНСКИЙ ДУХ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

В творчестве Инессы Ильиной волшебство так тесно переплетается с реальным миром, что кажется, будто нет в мире ничего невозможного: игрушечная лошадка может и разговаривать, и превращаться в живую, а тень красавицы способна занять ее место среди живых. Сверхъестественное не только диктует автору сюжет, но и само оказывается в центре внимания, становясь сюжетом. При этом в новой книге нашлось место и серьезным мистическим историям, и добрым сказкам, транслирующим приверженность автора вечным человеческим ценностям.

Жанр современной литературной сказки накладывает на автора большую ответственность: она предназначена как для взрослых, так и для детей, а выбору сюжета, персонажей и места действия автору стоит подходить очень внимательно. Немаловажна и концовка: все-таки «сказка ложь, да в ней намек...». Инесса Ильина не из числа «позитивистов», ее сказки порой заканчиваются печально. Лошадка Зорюшка из сказки «Деревянная лошадка» навсегда остается игрушкой, потому что ее маленький хозяин не сдержал свое слово. А ведь так важно беречь того, кто тебе доверил свою тайну! Пусть даже твой доверитель — всего лишь лошадка-качалка.

В сказке «Белый воробей» главного героя ждет трансформация. Образ белого воробья отсылает нас и к устойчивым словосочетаниям, обозначающим инаковость персонажа, а также показывает, как непросто живется на свете, когда ты маленький и слабый. Воробей упоминается в литературе для обозначения чего-то незначительного. Известный пример находится в Евангелии от Матфея (10:29): «Не за грош ли продаются два воробья? И все же ни один из них не упадет на землю помимо воли твоего Отца». Но в то же время эта птица наблюдательная и сообразительная. Автор превращает драчливого и задиристого мальчика Серёжу в воробышка, а не, допустим, в ворону (что было бы логически оправдано): из птиц мы ожидаем непохожести на других именно от ворон, поскольку эти пернатые довольно сильны и способны постоять за себя. А Серёжа заколдован. Он не слишком похож на свое новое окружение. Но возвращает себе человеческий облик, искупив свои злые поступки добрыми делами.

Но тут хотя бы финал счастливый. А вот сказка про Хлебного Мальчика заканчивается трагически. Хлеб символизирует основную человеческую потребность, поэтому к этому герою читатель изначально относится заинтересованно. Что он сделает, как преодолеет испытание, вернется ли с радуги? Казалось бы, перед нами хэппи-энд. Героя ждут овации, его подбрасывают, качают на руках. И... губят: «Но никто его не слышал. Так, мало-помалу, от высоких шумных бросков, Хлебный мальчик весь раскрошился. А когда люди опустили саночки, то в салазках только кусочки хлебно-восковые остались. Очень огорчились люди, что так бестолково с героем своим поступили...». Очень хочется,

Краткостишия Андрея ШUTOва — кристаллы-многогранники, когда каждая грань-строка выявляет определенный смысл, блеском запускаемый в мир...

Собранные в коллекцию, представлены они книгой «...плохое льдом растает», выпущенной издательством «Вест-Консалтинг». И... так хотелось бы, чтоб поэт оказался прав.

...Нынешняя реальность, впрочем, не интересуется правотой поэтов, как и ими самими, что не мешает кристаллам произведений расти и распускаться в мир формулами смыслов.

Тонко моделируются картины; несколько слов, объединяясь, западают в душу:

Август.
Стрижи на крыльях
уносят тепло.

Вызрел август, яблочно катится к закату своему...

Светлая уверенность поэта отзывается надеждой в воспринимавшей душе:

Человек не смотрит на небо —
Душа смотрит с неба.

Может быть, и впрямь так?
Родные, без которых жизнь скукожилась до размера смятого листа, видят меня?

Тайна памяти, сложноработающего механизма, равно — клетки, из какой пожизненно не выйти, распускается несколькими словами:

Память, память...
Сколько в тебе
радости
и
боли!

Инесса Ильина
ЮЛИЯ, БЕГУЩАЯ ПО...
Мистика: Реальность или Вымысел?
М.: «Вест-Консалтинг», 2024



чтобы все хорошо закончилось, но история интересна именно тем, что от восторгов людских можно погибнуть быстрее, чем от превратностей судьбы: осторожно, перед нами добрые люди, залюбят до смерти...

Для взрослых в этой книге написаны серьезные философские притчи. Детям старшего возраста они тоже понравятся, хотя некоторые из произведений адресованы в первую очередь тем, кто уже сам имеет детей и отвечает за их благополучие. Например, «Притча о слепой родительской любви», которую Инесса Ильина завершает поучительно и оригинально: «Королевич долго и счастливо правил страной. И во время его правления не было, ни войн, ни раздоров. Бывает и так — добро силой побеждает зло». Жестко. Но ничего не поделаешь. Любящий родитель должен понимать, что, потакая всем детским прихотям, он растит белоручку, эгоиста, неприспособленного к жизни. Надменные, капризные дети требуют к себе особого внимания, ухода за собой, принимая все услуги как должные. Отношения этих детей с родителями нестабильны: пока те потворствуют им, они ласковы, но стоит озвучить запреты, — они становятся грубы и дерзки.

Когда-нибудь такой ребенок захочет любой ценой удовлетворить свое «хочу», и, как правило, такие попытки заканчиваются плачевно, прежде всего, для него самого. В сказке это показано метафорически, но зловещие символы — орел, огненный круг, защищающий от нечисти, атрибу-

тика войны — все это говорит нам о том, что история разрешится хоть и конструктивно, но с немалыми потерями для главных героев.

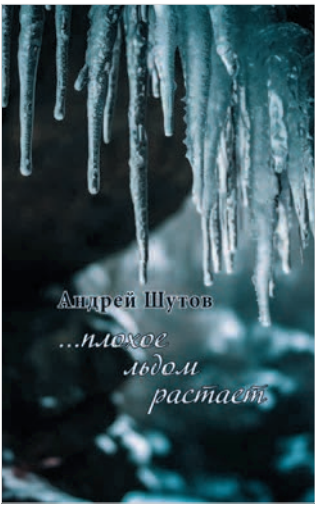
Жанр мистики — благодатный жанр для автора, которая тонко чувствует окружающий мир. В отличие от классического «ужасика», мистика по сути своей социальна и работает по принципу «как аукнется, так и откликнется». В произведениях Инессы Ильиной этот универсальный вселенский закон соблюдается неукоснительно. Добро побеждает, хотя порой победа дается дорогой ценой, приходится пройти и через предательство, как в рассказе «Измена», главная героиня которого в случившемся виновата сама: «„Счастье мое, не было б никакой Клавьи, если бы я не отдалась от тебя“, — прошептала она и заплакала, — "Это не измена, это материализация пожелания подружки-завистницы!"». К счастью, вывод из этой истории женщина сделала, и концовка оставляет надежду на то, что подобное в семье не повторится: «Странно, обида исчезла. Муж вернулся, проводив несостоявшуюся возлюбленную на вокзал. Они никогда не вспоминали об этой истории».

История старого пианино трогательна еще и потому, что автор через переживания музыкальных инструментов рассказывает историю нашей страны. Искусство и жизнь тесно связаны друг с другом. Музыка помогает выжить в голодные военные годы, приносит радость в мирное время и утверждает непреложную истину — жизнь сильнее смерти. Старое пианино находит «своего человека»: «И пускай, новым домом ему стала не зеленая гостиная богатого особняка, а обычная городская квартира, пианино было счастливо. Оно вернулось домой. Начался новый круг жизни. Девушка станет пианисткой, а старое пианино будет ей помогать обучать музыкальному искусству ее детей и учеников. И никогда не настанет этому конца». Проза Инессы Ильиной светла и терапевтична. В ее произведениях знакомые читателю образы и мотивы (например, образ злобной и наглой человеческой тени) в конструкциях авторского мира приобретают новое наполнение, превращаясь в детали индивидуального мифа. Мы обращаемся к волшебным историям снова и снова, раскрывая силы нашего воображения, способного в сжатые сроки изменить нашу жизнь в лучшую сторону.

Вера КИУЛИНА



Андрей ШUTOв
«...плохое льдом растает»
М.: «Вест-Консалтинг», 2024



Яблочный Спас характеризуется с той мерой нежности, когда в ней и растворяется смысл говоримого:

Месяц лежит
яблочной долькой,
предвещая скорые холода.
Немного грустно.

Определение судьбы поэта, развернутое логичным парадоксом:

Писать, чтобы жить.
Жить, чтобы писать.

Много в книге видов-пейзажей, много настроения, много светового, что и должно осветить плохое, заставить его растаять льдом.

Юмор специфичен, но его золотинки необходимы:

На кладбище моей памяти
бегают стадо бегемотов
и никак не может догнать
шустрого кролика.

Тонкие нити наблюдений мерцают:

Самый лучший парикмахер —
ветер.

Вибрируют краткостишия ШUTOва, врываются в пространство, рассыпаясь букетами пестрых произведений; и книга, вобравшая онтологический опыт поэта, пропущенный через специфику дарования, играет столькими замечательными красками!

Александр БАЛТИН



ПРОЗА ПОЭТА

Илья СТЕФАНОВ
ПОЭТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Илья Стефанов (псевдоним **Владимира Степановича Черняка**) — поэт, прозаик. Родился в 1937 году в селе Журавка Чистоозерного р-на Новосибирской обл. В настоящее время живет в Новосибирске. Автор многих публикаций. Член Союза писателей XXI века с 2022 года.

ЧЕРЕМУХОВЫЕ ВЕЧЕРА

Ходят мрачные тучи или светит яркое солнце — это не оказывает заметного влияние на мою душу, ибо там свой мрак, свои тучи или свое сияние, подобное солнечному. Приходится только удивляться писателям, которые уделяют массу времени изображению природы в связи с состоянием человека. Я думаю, сам этот человек, переживая свои душевные движения, вряд ли вообще замечает, светит ли солнце или ходят по небу тучи, *пошли ли на прогулку деревья* в сильный ветер, и мелко ли дрожит осина. Вот музыка сильнее природы. Мы не можем не воспринимать ее, даже пребывая в пучине своих бедствий. При этом музыка не только сопровождает наши переживания, она преобразует их. Когда я хочу просветлить свои страдания — я слушаю музыку. Некоторые вещи вызывают вибрацию, кажется, какой-то одной душевной струны, но от нее звучат все другие, что иногда приводит если не к облегчающим душу рыданиям, то просто к слезам.

Я думаю, что когда человек находится в спокойном состоянии, когда его не тревожит сильное чувство, тогда он может быть захвачен природой — картинами ее непостижимой красоты и непостижимого смысла.

Вот прошли черемуховые вечера с их прохладой и ожиданием чего-то неясного, какого-то колдовского действия. Теперь сразу после захода солнца вечера веют легким теплом после душного дня, сердце охватывает чувство умиротворенности, но в то же время и удивления от свершившегося чуда. Сказочные образы наполняют смыслом видимые картины. Каждый листок и даже сам воздух, кажется, живут в ощущении чего-то мужественного, сильного, но сдержанного, и чего-то женственного, нежного, загадочного и притягательного. Эти две ипостаси Божественного тоскуют друг о друге, и предвкушение их слияния возбуждает и наполняет смыслом все сущее. Эти мгновенные ассоциации, возникающие раньше, чем можно успеть о них подумать, оживляют мир, без них он лишается своей духовности, и даже кажется, что они не возникают, а вообще присущи картинам бытия издревле, с начала мира. Так создана сама природа, это всегда так, но это становится ясно только в продолжительные вечера начала лета, может потому, что мы только что были свидетелями чуда превращения света в темь — эти впечатляющие картины предзакатных вечеров, когда время ощущается, и от этого становится тревожно. Как ни удивительно, но мы вскоре успокаиваемся оттого, что свет гаснет, и не придаем отягчающего значения наступающей тьме и, более того, как бы радуемся ей в порыве живительного осознания неизбежности какого-то очередного чуда.

НЕМНОГО О СЧАСТЬЕ

Сегодня на работе меня сильно утомил компьютер. Усталый и грустный, иду домой. Чтобы развеяться, прийти в себя, я шагаю энергично и стараюсь голову держать высоко, но свободно, так, чтобы у нее была одинаковая возможность свеситься вперед или отклониться назад. В этом случае плечи разворачиваются, а грудь расправляется, что очень благоприятно для дыхания, а ведь известно, что дыхание — основа жизни. При этом расправленная грудь, вместе с несколько поджатым от этого животом, держится на бедрах подобно тому, как голова на плечах. А ноги при такой ходьбе с удовольствием держат положение центра тяжести человека на постоянном расстоянии от дороги. При этом ступни, прикасаясь к ней, пусть даже через подошвы ботинок, стараются ощутить ее пальцами, которые, чувствуя себя распушенными в начале шага, в последний момент действуют слитно, отталкиваясь. А пятка в таком шаге лишь слегка соприкасается с дорогой, и это правильно, если вспомнить, что ведь все другие млекопитающие, кроме медведя, на пятку вообще не наступают.

Но — о чем это я? Да! Это я так иду, возвращаясь с работы, и мне, утомленному, немного грустно. Но после получаса такой ходьбы я прихожу в себя. И первое, что меня окончательно оживляет — воспоминание о том, что дома меня ждет история древнего Рима Эдварда Гиббона, которой я зачитываюсь последнее время поздними вечерами. История историй, но в ней есть и то, что мне больше всего нравится при чтении — неожиданные, неслыханные сочетания слов.

Последнее время я с удовольствием работаю, с удовольствием хожу по улицам, с удовольствием читаю. Но — перестал писать стихи! Мне даже не хочется думать о них. Потому

что меня охватывает ощущение счастья! Бывают такие моменты в жизни, когда окружающий мир со всеми его мелочами становится вдруг значительным и осмысленным, нас охватывает ощущение тесной связи с ним и понимание целесообразности жизни! При этом мы не прислушиваемся к своим душевным движениям, а только наслаждаемся ими — нам жалко тратить время, чтобы изобразить их. И вроде бы ничего в жизни особенного не произошло! И в то же время, наверное, произошло! По-видимому, много мелких событий сошлись в редком сочетании, определяющим особое состояние души.

Но в такие моменты, когда говорят, *Бог прошел мимо*, нужно быть осторожным. У счастья есть свои проблемы, потому что становишься беспечным, а это опасно, потому что беспечность может породить невнимательность к окружающим и даже, может быть, к самому себе! Теряется бдительность, этакая умеренная настороженность и готовность совершать поступки. *Счастье — плохой наблюдательный пункт*, — предупреждает Фазиль Искандер. А вот что есть в книге Эдварда Гиббона об этом: *Душа, расслабившаяся от избытка счастья, не способна возвышаться до того великодушия, которое гнушается подозрениями и осмеливается прощать*.

Как вам это нравится? Надо будет все-таки постараться осторожно понаблюдать за собой, счастливым, и потом постараться поэтически изобразить тайны счастья. Эпиграфом к циклу таких стихов можно будет взять упомянутые слова великого историка.

Счастье-радость... Жизнь — захватывающая штука. Но каждый понимает счастье и радость по-своему, настолько разное, что это приводит к столкновениям и даже смерти. Трагедия жизни состоит в том, что люди еще очень недолго живут на земле и не знают совершенно своего предназначения. У них слишком много свободы, и они не умеют с пользой ее употребить. Интересно, что животные, у которых мозгов меньше, делают это более разумно. Человеку дано много свободы и мозгов, но свободы — больше! Поэтому человек — *болезнь Земли* (как заметил Бернард Шоу). Самые гармоничные создания — это деревья. Они живут на Земле намного дольше людей и животных, потому так спокойны, а значит — счастливы.

Кажется, я пустился в размышление о сути счастья. А ведь это признак того, что оно скоро покинет мою душу, освободя место для вдохновения, через которое людям открываются многие тайны жизни... но не причины и свойства счастья. Да, это так же трудно постичь, как и догадаться об истоках любви...

ВЕЧЕРНЕЕ, ИЛИ О БЕДАХ

Я плачу в беде...

Но что стоят наши переживания перед величием жизни?

А величие жизни не только в счастье, беды тоже часть ее.

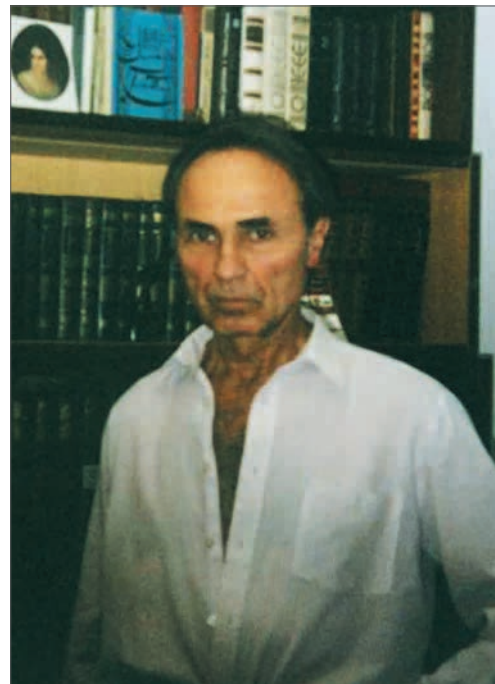
Если жизнь это свойство материи, то есть жизнь не случайна, то нужно поразмыслить, а что было угодно Богу? Для чего Бог делает так, что вдруг приходит беда? Может быть, Он одаряет нас чувством безысходности, чтобы предупредить о чем-то? А может, Бог делает это, чтобы уравновесить счастье? Мы были счастливы (по крайней мере, в детстве), так поживем немного в беде! Это, кроме прочего, и шанс настоящему оценить наше (бывшее) счастье. И чувство безысходности, беды, это ведь прекрасная возможность поразмыслить о будущем и повернуться к нему.

Беда приходит к нам, чтобы мы решительнее искали пути, на которых она разрешается счастьем. Это момент, когда Бог дает нам возможность проявить волю: нужно решить — остаться *при своих* или научиться жить по-другому. Возможно, беды приходят, когда мы упускаем момент решения. Теперь Бог подсказывает: «Приехали!» Уже приехали к берегу реки. Конечно, можно остаться на этом берегу, сесть, поджав ноги, обхватить колени руками и в этом комке переживать горе. Но можно прыгнуть в реку — и оказаться на другом берегу. А на другом берегу (где нас нет), возможно, и вправду трава зеленее, солнце ласковей, а луна ярче!..

На самом деле счастливый человек — тот, кого Бог наделил свойством наслаждаться и радостями, и бедами. Наслаждаться со спокойствием и тем, и другим. Спокойствие — это мудрость. Мудрый человек не смеется в счастье (памятуя о бедах) и не плачет в беде (вспоминая о счастье).

Но я смеюсь в счастье и плачу в беде.

Сейчас я плачу.



МНОГО ЛИ НУЖНО ДЛЯ СЧАСТЬЯ?

Я — по делам в одном присутственном месте. Здесь нужно представляться с помощью паспорта. Женщина, раскрыв документ, несколько раз переводит взгляд с моих бумаг на меня.

— Это Вы на фотографии?

— А что, не похож? Да, годы, знаете ли, семь лет прошло.

— Да нет! Вы на самом деле выглядите много моложе!

—!!!

Легкой походкой подхожу к дому. Сворачиваю к небольшому рынку под нашими окнами, чтобы кое-что купить, а самое главное — пиво, необходимое для сопровождения важного для России футбольного матча вечером по телевизору. Подхожу к киоску, где обычно покупаю пиво. За прилавком оказалась не хозяйка, а, по-видимому, ее дочь — совсем девчонка. Она разговаривает с пареньком еще моложе ее, он стоит у прилавка со стороны улицы. Разговор касается каких-то наказов матери. Я не пытаюсь прервать их беседу, стою и любуюсь деловым подрастающим поколением. Мальчик уходит, и я прошу подать мою любимую бутылку пива, причем самого большого калибра. Девочка при этом держит взгляд на мне, а когда я заканчиваю свою несколько витиеватую речь, очень мило улыбается.

— *Вам самую большую?* — произносит она моей интонацией. — Она 0.65!

— Да, мне нужно много пива. У меня сегодня футбол.

Она ищет нужную бутылку. Просматривает все полки, вставая на табуретку — большой не оказывается.

— Ладно, давайте 0.5!

Она снова осматривает все полки и на последней из них находит поллитровку.

Я беру бутылку и слышу за собой:

— Скажите, это хорошее пиво?

— Это самое лучшее, — отвечаю я. Поворачиваюсь и вижу перед собой весьма симпатичную молодую особу с ребенком на руках. На ней привлекающая внимание модная куртка, а на голове — очень идущая к куртке и лицу фуражка. Она просит меня показать мою бутылку и выясняет со мной стоимость различных емкостей этого напитка. Затем она спрашивает о качестве и вкусе других марок пива. Так мы некоторое время дружески беседуем, что дает мне право беспрепятственно ею любоваться.

Мне нужно еще зайти в молочный. Захожу и, кроме прочего, прошу молока маленький тетрапак. Маленького молока не оказывается, и продавщица советует взять сливки. Я с удовольствием обсуждаю с женщиной, переживающей пору второй молодости, что лучше для чая, молоко или сливки, и, согласившись на сливки, прошу целлофановый пакет. Она снимает пакет со стены и принимается класть в него мои покупки.

— Вы решили поухаживать за мной, — говорю я.

— Как не поухаживать! Вы такой весь аккуратненький, такой приятный!

Поблагодарив за комплимент, выхожу.

Я вернулся домой счастливым.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОБОЗРЕНИЕ ЖУРНАЛА «ДЕТИ РА» № 4, 2024

...Нечто сказочное, из глубин загадочности бытия, мерцающее тонкими ощущениями при жесткой конкретике существительных наполняет стихотворения **Бориса Шигина**, подборкой которого открывается очередной — четвертый — номер журнала поэзии «**Дети Ра**»:

Ах, где я ночью был!
А был я ночью, где
Сосновые столбы,
Кувшинки на воде.
Где так жесток мороз,
И так белы снега.
Где серьги у берез
Длинней, чем у цыган.

И то, что развитие стиха пройдет трагической тропой былой истории, не отменяет эстетический уровень словесных сияний:

Где на плечах не пух,
А ситчик расписной.
Где очередь старух
Стоит немой стеной.
А мужиков среди них
Как не было совсем...
И бесконечны дни,
А лет прошло лишь семь.

В номере представлены пензенские поэты; **Валерий Сухов** — редактор отдела поэзии журнала «Сура» — вьет стих легко, будто тополиный пух нежно наполняет пространство, и содержание, касающееся самых тяжелых, смысловесущих тем, словно оттеняется и подчеркивается подобной плавностью-нежностью:

Бытие из быта.
Суть у них одна.
И стекло разбито
В зеркале окна.

Бах и Перголези.
Материнский лик.
Постигаешь в бездне
Сущность книги книг.

С ангелами вровень
В тишине скорбя,
На стене из бревен
Видишь сам себя.

...Врываюся в реальность, вибрируя страстью, стихи **Веры Дорошиной**, словно расплескивают цветные лоскутки фантазий и ощущений, украшая собою данность:

К черту пасьянс из полночных окон,
на цезурах проталин гадание!
Я ледяной разрываю кокон,
иду с собой на свидание,

небо взрываю, срываю саван,
воскресаю, смеюсь, рыдаю,
радуюсь треску раскрытых ставень.
Глупо? Ну да, живая,

птичья, неистовая, смешная
стая, что до смерти защекочет
крыльями, лишь доживи до мая.
Прибываю — хочешь не хочешь,

через край и превыше любого края.

Возраст — сгорая быстро, как хворост — дарует особое отношение к жизни, отменяя все неистовства, склоняя к одиночеству тишины; мелодично повествует о том поэзия **Татьяны Кадниковой**:

С возрастом хочется больше чего-то простого:
Кухни уютной, поменьше ветров и простора,

Тихих бесед и поменьше тусовок, нашествий,
Кошек, собак потихонечку гладить по шерсти,

Окон со шторами, можно в цветочек, в горошек,
Чтоб телевизор с утра говорил о хорошем...

Денис Кальнов делится с миром своими лирико-фило-софскими наблюдениями и откровениями:

Бывает так: часы на башне
далекой нотой прозвучат,
войдя в сюжет полнометражный,
но лишь на время (напрокат).

И дежавю вернется снова
с крупницей жизни той, другой,
где вдруг откроется основа,
и я коснусь ее рукой.

Вот будто истину узнаю.

...Но ускользает от меня
геометрически кривая
иная форма бытия.

Набатно и предупреждающе разносится стихотворение **Марины Герасимовой**:

Если ядерный гриб вознесется над миром, брат,
Будет уже не важно, кто прав, а кто виноват,
Кто защищал свой дом, кто развязал войну,
Кто материл детей, избивал жену,
Кто писал картины, растил цветы,
Кто молился за мир, соблюдал посты...

Дарья Швецова публикует подборку, наполненную метафизикой прорыва, таинственно закручивая словесные орнаменты:

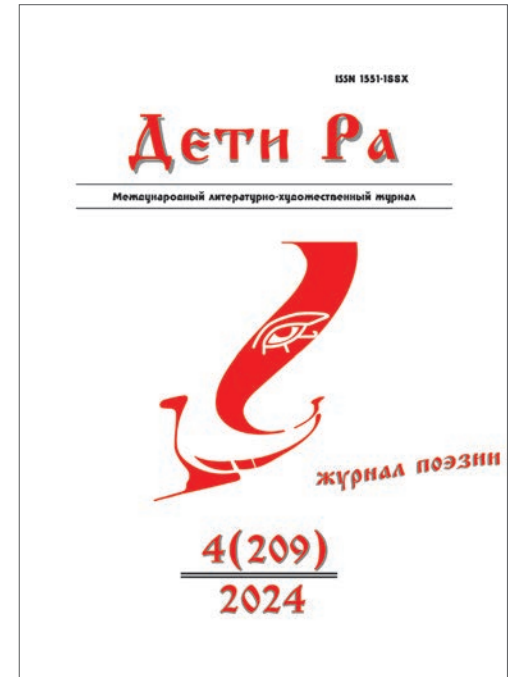
ты увидишь калейдоскоп.
россыпь крашеного стекла,
не запятнанного тоской.
ослепительная игла

по поверхности режет ткань,
оставляет цветущий шов.
это радость моя легка,
легче перышка. хорошо.

...Затем следует поэзия представителей Союза писателей XXI века.

Сергей Бирюков, веревочно скручивая смыслы поэтической мистерии и знаки людских судеб, выводит интересные формулы бытия:

Бесконечно можно писать
на русском стихи
на границе стихий
рифмовать
бесконечно страдать
уповать
жечь глаголом сердца
до конца



бесконечно кружить
в клетке белкой
в этой теме не мелкой
предназначенный жить...

Любовь, продолжающуюся после смерти любимой, поет, привлекая культурологические ассоциации, **Константин Кедров-Челищев**:

Любил при жизни. А после смерти
Люблю еще сильнее, поверьте

Любовь земная и неземная
Вся жизнь иная и не иная

От страсти к страсти чувства метались
Всю жизнь метались и все остались

Возможно память неполноценна
Но пульс нащупает Авиценна

Авиценна любви целитель
Войди в обитель! Войди в обитель

Басенную иронию скрепляя с философским наполнением жизни, своеобразные, лапидарные притчи, исполненные классическим стихом, предлагает **Александр Поповский**:

Перейдя все мыслимые грани,
Совершив опасный разворот,
Мыши куролесили в чулане,
Отмечая урожайный год.

Отголоски слышались за МКАДом —
В полночь уши на дрожжах растут!
В общем, получалось все как надо —
По-другому не гуляют тут.

Больше в назиданье для окраин,
Зоопсихологии знаток
Остужал их пыл — хозяин-барин
В норы лил целебный кипяток.

Продолжение на стр. 9

НОВОСТИ

НОВАЯ КНИГА ИНЕССЫ ИЛЬИНОЙ



Новая книга **Инессы Ильиной** «Юлия, бегущая по...», вышедшая в издательстве «Вест-Консалтинг», поступила 22.08.2024 в магазин «Фаланстер».

Не пропустите!

Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг»



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Продолжение. Начало на стр. 8

ОБОЗРЕНИЕ ЖУРНАЛА «ДЕТИ РА» № 4, 2024

Византийски-богатая, перенасыщенная культурологическим раствором бытия жизнь **Владимира Алейникова** склоняет к мемуарам: повествование «Складень», исполненное в этом жанре, раскроет много интереснейших троп былого.

Продолжается публикация романа **Юрия Казарина** «Немтырь».

Евгений Степанов интервьюирует **Нину Краснову**, рассказывающую, словно драгоценные камешки предлагает, множество интересных историй из арсенала собственного бытия, полностью — представляется — отданного литературе... Краткими записями-затесями даются фрагменты дневника Евгения Степанова — иронично и мелодично звучащие.

Плотно представляют картину современного дыхания и пульсации литературы обозрение журналов, сделанное **Павлом Щербаковым**, и ряд рецензий...

Осень начинаются... Но «Дети Ра» всегда наполнены вдохновенным словесным солнцем.

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ЗИНЗИВЕР», № 3, 2024

Терпение — стержень окружающего в мире; в природе разлито бесконечное терпение, и **Валерий Скобло**, фиксируя этот феномен, хорошо выгранивает свободно дышащие строки:

Терпение — вот, на чем держится мир, окружающий нас.
Упорном терпении... шаге его черепашьем.
И нашем... и чем-то,
его превышающем в тысячи раз,
Воловьем терпении, с коим
мы землю бесплодную пашем.

Именно его подборкой открывается новый номер «Зинзивера», чьи песни разнообразно представляют современную поэзию.

Метафизический иронист **Евгений Лесин** разворачивает игровую ретроспекцию былых цен: делая это легко и забавно; и таящаяся за иронией грусть свидетельствует о быстролетности жизни:

Скажите мне, в какой стране
От чисел так светлеют лица?
Увы, все в прошлом, где оне,
4.70, 5.30?

О них забыть не так-то просто,
Пока вращается земля.
Где колбаса 2.90?
И где портвейн за три рубля?

Кратко, с блеском выпускает Лесин фейерверки ощущений, оправленные в стихотворные строчки:

Нет ни супа, ни салата.
Нет ни крема, ни брюле.
У тебя ума палата.
У меня парад-алле.

Космос культуры — с историей его, с золотыми моментами интеллектуально-художественных откровений — предлагает поэмой «Золотое сечение» **Константин Кедров-Челищев**:

Пифагор нам оставил учение
Подарил золотое сечение

Коль тебя на конюшне секут
Значит что-то в тебе не секут

Пусть живет золотое сечение
Обрекая меня на мучения

Христианского мира мечта
Золотое сечение креста...

Народные вибрации поэзии **Нины Красновой** в данном случае касаются Дней поэзии в Быково, в Доме творчества Союза писателей XXI века «Сосновый Пегас», живописуя оное бодро и по-доброму, легко и с юмором:

Мы в Быкове не сеем, не пашем,
А сидим за рабочим столом,
Кто с компьютером, кто со стилем,
И стихи круглосуточно пишем.
Свет поэзии здесь не погас.
Нас в Быково привозит Пегас.

Сложно закручиваются поэтические орнаменты **Софьи Рэм**, заставляя мысль работать на удвоенных оборотах, будя множественные ассоциации:

Как это назвать
и во что это выльется?
Что узнав, навсегда изменюсь в лице я?
Эфиоп становится ангелом, смывая пыль с лица,
Поэзия как панацея,
Попытка летать,
Отдать
то, чего у тебя нет,
Как Пушкин в садах лица
Спустя 220 лет.

Мощно, отчасти страшно, используя исповедальные ноты, позволяющие судить себя самым жестким судом, воспевает **Евгений Степанов** любовь свою.

Грустью часто окрашивается поэзия Степанова: и окружающий мир противоречит поэзии, и экспресс жизни больно скор:

А мне теперь Санкт-Петербург
не очень интересен, ибо
там нет Володи, друга моего,
с которым выпускали мы журнал,
стараясь напечатать самых лучших,
и по местам намоленным ходили.



Два рассказа **Олега Рябова** развернут весьма поэтично лапидарные моменты жизни, насыщая сознание благородством формы и изяществом содержания.

Рассказ **Эвелины Азаевой** «Бонита» напоминает стихотворение в прозе: внимание и почтение к каждой фразе, должной звучать красиво, как поэтическая строка.

Крепко, живой плазмой жизни переливаясь, грянет рассказ «Обмен» **Владимира Николаева**.

Документальная проза представлена произведениями **Елены Вяхякуопус** — нейropsychолога и прозаика, чьи тексты, интересно работая с художественным осмыслением действительности, предлагают своеобразные методы борьбы с разнообразными страхами — бичами жизни. Написано ярко и с юмором.

Содержателен и обширен раздел рецензий.

Плотно и веско организованный номер журнала раскрывает многие богатства современной словесности; «Зинзивер» должен петь... чтобы ни происходило с аудиторией...

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ФУТУРУМ АРТ», № 1, 2024

Иронию с метафизикой причудливо соплетая, творя интеллектуальный орнамент поэмы **«Звезда Мафусаил»**, **Константин Кедров** будто исследует свойства времени:

Вампир он стал еще вампирстей
А звери сделались зверее
Шекспир он стал еще шекспирстей
А Лев Толстой еще толстее

Стал Хлебников намного хлебнее
Кручёных стал намного круче
Якунин Глеб еще стал глебнее
Тучнее в небе стали тучи...

И — **«Формулу Андрея Рублёва»** выводя, включает поэт огни особой духовной тайны, приближение к разгадке которой определяет энергию стиха:

Звучат мне глуше и глуше
Живые и мертвые души

Когда-то придумали числа
Фанатики здравого смысла

Подозреваю что не скоро
Мой голос вырвется из хора

Побежим мы оба вслед за собой
Наперегонки со своей судьбой...

Двумя поэмами Кедрова открывается номер журнала «Футурум АРТ», продолжающийся поэтическими взлетами **Евгения Степанова**, связанными с пропуском действительности, ее онтологического опыта через призмы и фильтры собственного дара:

Хочу себе помочь и за полночь забыться
В невероятном сне и долго жить во сне,
Где место есть любви, везде родные лица,
А места нет вражде, разлукам и войне.

Хочу себя понять, себе пеняя строго,
На что я разменял седьмой десяток лет.
Что буду говорить, когда увижу Бога?
И скажет ли Господь мне что-нибудь в ответ?



Окончание на стр. 10

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Окончание. Начало на стр. 8

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ФУТУРУМ АРТ», № 1, 2024

Вечная безответность запредельности манит, рождая в душе тонкие интеллектуальные орнаменты, звучащие мелодией стихов.

Ироничная прозрачность мысли работает парадоксальными поворотами оной:

— Не слишком сильно нагрешить,
То, что затеял, завершить,
Секунду каждую ценя.
Такие цели у меня.

— А у меня другая цель:
Хочу взять в жены топ-модель,
Богато жить и не скорбя.
— Что ж, я могу понять тебя.

Много игры оттенков в поэзии Евгения Степанова, много граней познанного строками рассекают косную реальность...

Точные картины, нарисованные **Анной Григ**, словно подчёркиваются своеобразным использованием рифмы — легкой и летучей, и — пропадающей иногда:

мне нравится
когда темно
и ночь с луной не спят на пару
и лишь машин слепые фары
нет-нет — взъерошат весь уют
когда деревья
зашептав
встанут в сплошные силуэты

так — будто скульптором воспеты
и ветерки сквозь них снуют...

Омограммы **Александра Савостьянова** складываются в формулы мысли и образности, лапидарность демонстрируя — как наиболее выигрышный прием:

УДАЧИ! ПРО РОК СПАСИБО! —
У ДАЧИ ПРОРОК СПАС ИБО...

Савостьянов также предлагает вниманию читателей интересные палиндромы:

О, шорох?! Отрезал лазер-то хорошо.

Причудлив и занят палиндром поэта и доктора филологических наук **Александра В. Бубнова**, адресованный юбилею Евгения Степанова:

...Он — Женя Степанов,
он — Аз, и Буки, и Веди вид,
и видеии куб,
и заново напет
с «Я» нежно...

Верлибры Анны Григ демонстрируют полноту необычности человеческих желаний, зажигающихся порой... столь странно для самого человека:

стоя на перроне в ожидании поезда
я вдруг поймал себя на мысли

что хочу быть плитой
прибитой в метро в 1965 году
или рельсами
проложенными там же еще раньше
хочу оторваться от этих чертовых — 'наших дней'
и утонуть
в некотором-смысле-идеальном
освещении прошлого мира...

Юрий Тубольцев трактует жизнь через афоризмы, посвященные альфе человеческих чувств — любви:

Что бы ты ни делал — ты ищешь любовь!

Семь рассказов **Алексея Розенберга** фокусируются на моментах, представляющих действительность через ракурсы определенного события, и поэтичность авторского стиля словно приближает рассказы к жанру стихотворения в прозе.

Алла Новикова-Строганова исследует творчество Н.С. Лескова, погружаясь в пучины душистой, самоцветами пересыпанной прозы.

Нина Краснова вдохновенно и обстоятельно рассуждает о книге стихов **Евгения Степанова «Младший брат травы»...**

Номер журнала показывает необычайность всех современных пластов русской поэзии, ее метафизическое золото, способное обогатить душу.

ОБЗОР ГАЗЕТЫ «ПОЭТОГРАД», № 8, 2024

Формулой откровения, онтологическим опытом, пропущенным через фильтр дара, прозвучит стихотворение **Петра Гулдедава**, открывающее августовский номер «Поэтограда»:

По сути, человеческий дух — кочевник,
Но, сколько пылью странствий ни дыши,
В любом из нас в тиши живет волшебник
И обладатель магии души.

...Пусть обзор представит собой смысловую чехарду: завершается номер изысканно-тонким кроссвордом, составленным **Ольгой Ефимовой** и визуалью (привет китайской иероглифике!) напоминающим причудливое животное...

Резок верлибр-вывод, извлеченный **Евгением Степановым** из своего гигантского литературного опыта. Чередование длинных и кратких строк — как формула чересполосицы жизни:

Поэт —
беспристрастный судья собственной жизни
и собственных стихов.

И адвокаты поэту не полагаются.

Иначе очень трудно сделать даже самый маленький творческий шаг вперед.

Стихи Евгения Степанова всегда дают надежду:

Все хорошо.
Вечных страданий на земле не бывает.
Рано или поздно они закончатся.
У меня есть право радоваться жизни.

О презентации журнала «СЛОВО\WORD», развернувшей торжественные поэтические флаги на онтологическом ветру

и проходившей в Быкове, в Доме творчества **Союза писателей XXI века «Сосновый Пегас»**, пишет **Николай Фонарёв**.

Кратко и компактно — о мироздании, его природе изначальной, равно о Божественной любви ко всему — расскажет, легко и возвышенно, **Светлана Крюкова**:

Бог любит пчел,
Бог любит человека.
Он все учел,
расчислил скорость света,
поставил ветер на крыло,
и... зацвело!

Субстанцией счастья, противостоящей брутальности действительности, нежно пропитаны виртуозно исполненные стихотворения **Ирины Антоновой**:

Чем беспощадней век брутальный,
Чем ноша жизни тяжелей,
Тем долгие вздох сентиментальней
И жажда радости сильнее.

Мы слышим счастья отголоски
В оврага зелени густой,
В этюдах новых и набросках,
В забытой песенке простой.

Но и — экзистенциальные мотивы, волокнами переплетаясь с темой счастья, организуют пространство поэзии Антоновой:

Мокрые ветки стучатся в стекло —
Боже, как много воды утекло.
Кто я такая, зачем я живу,
Жизни своей вышиваю канву.



Крепкая поэтическая субстанция определяет номер «Поэтограда»; жаль, большинство, живущее вне поэзии, не представляет, насколько обеднило себя.

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА



СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА —
современная писательская организация, идущая в ногу со временем
и отвечающая потребностям творческих людей.

КАК ВСТУПИТЬ? • КАКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА? • КАКОВ ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ВЗНОС?

Полную информацию Вы сможете найти на сайте организации <http://writer21.ru/>

ПОЭЗИЯ

ПЁТР ГУЛДЕДАВА
ПОД ЗАНАВЕС ЛЕТА

Пётр Гулдедава — поэт, литературный критик. Член правления Академии российской литературы, Заслуженный писатель МГО СП России, член Союза писателей XXI века. Живет в Москве.

ЗАКАТ

Я верил только собственному мнению
И лез, не рассуждая, на рожон,
Когда способность к самосохранению
Глушилась бесшабашным куражом.

Но я постиг искусство опасений
И победил сомнения и страх,
Когда года надежд листвою осенней
Дотла сгорели в бытовых кострах.

Все глубже новым знанием владея,
Освобождаюсь от земных оков,
А разум, с каждым годом молодея,
Все больше ощущает груз веков.

Но, сколько я свой крестный путь при этом
Земной дорогой скорби ни зови,
Над ним всегда непреходящим светом
Мерцает ожидание Любви.

МЕЧТАТЕЛИ ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ

Судьба, — как неминуемая плаха,
Как на висок направленный наган,
Когда беду библейского размаха
Безумцы превращают в балаган.

Когда людское горе недалече,
А Бледный Всадник скачет по земле,
И каждый бесприютно-тусклый вечер
Непредсказуем, как патрон в стволе.

Покуда кровь кипит в упругой вене,
Соборный дух для нас — «отец и мать»,
Пока мы будем вместе,
нас, как веник,
Любому силачу — не поломать.

Предпочитая лести слово чести
И бескорыстно излучая свет,
Мечтатели должны держаться вместе:
Поодиночке шансов выжить — нет!

* * *

... но если ты ненавидишь кого-то —
Ты ненавидишь себя.

Евгений Степанов

Все мы к людям — кто нежней, кто суше,
И идут по-разному дела,
Потому что и людские души,
В некотором смысле — зеркала.

Все мы — дети в ожиданье дива,
И когда гулять, так уж гулять!
Жизнь и так — копилка негатива,
Стоит ли его усугублять?

И какой бы скорби компоненты
В бытовых кострах ни полыхали, —
Погружайте ближних в комплименты,
Чтобы их сердца не засыхали!

* * *

С годами совесть стала вроде плети:
У ближних и прохожих на виду
Стою на перекрестии столетий
И все свою дорогу не найду.

Грехов не испкуить и за века мне,
Но совесть учит: сам себе не лги —
Ищи свои разбросанные камни
И раздавай старинные долги.

И я, как добросовестный искатель,
Ищу на небе среди туч и звезд,
Похожую лицом на Божью Матерь,
Попутчицу, знакомую до слез.

Приняв недуга крестное распятие,
Она мне улыбается во сне...
И ныне ближним тороплюсь воздать я,
Все то, что не успел воздать жене.

* * *

Выносима суровая доля
И не страшен любой лиходей,
Если Божья Небесная воля
Сочетается с волей людей.

Но не стоит, годам, как тиранам,
Подставляясь под тяжкую плеть,
Беречь застарелые раны
И себя бесконечно жалеть.

Надо с духом сознанием слиться
И, преследуя свой интерес,
Терпеливо и долго молиться
И просить снисхожденья Небес.

Если скептик и брови насупит,
Все равно снизойдет благодать...
Но грядущее вряд ли наступит,
Если люди не будут мечтать!

* * *

Но все равно я продолжаю стройку.
Но все равно ищу свою строку.
И точка не поставлена, поскольку
Еще дышу и ноги волоку.

Евгений Степанов

Поодиночке или роем,
Пытаясь драться и дружить,
Мы все себе, как пчелы, строим
Дома, в которых будем жить.

И если ты уверен, брат,
Что «по-любому» стоит строить,
Тебя когда-нибудь стократ
Награды Небо удостоит.

За то, что жил себе, как птица,
И никогда не падал ниц,
И не пытался породниться
С толпой чиновных кровопийц.



Когда тебя никто не слышит,
Какой печалью ни дыши,
Все, что рука с волненьем пишет,
Возводит храм твоей души.

2023 г.

ПОД ЗАНАВЕС ЛЕТА

Над густыми ивами взлетая,
Сумрак ночи тает над рекой.
Рыжим шлейфом осень замечает
Суетливый летний непокой.

Хоть давно отпели соловьи —
К памятным стогам тропинка вьется.
След в былом оставшейся любви
Навсегда на сердце остается,

Как на месте жаркого костра —
Пепел воцелений и страданий...
Осень — вдохновенная пора
Призрачных надежд и ожиданий.

* * *

Христос-человечество... Кто это?
Все мы,
Когда в нас живет — хоть отчасти —
Христос!

Евгений Степанов

В потемках лжи блуждает голова,
А трезвый разум охватила дрема.
И люди в шатком мире — как трава,
Растущая на поле космодрома.

Куда бы нас дороги ни вели
В размахе неохватного простора,
Мы станем частью Неба и Земли,
Песчинками у Божьего Престола.

Я с верой шел по жизни напрямик
И верю у последнего порога,
Что мы должны, пускай не каждый миг,
Но быть частичкой и подобьем Бога.

РЕКЛАМА

книги
газеты
журналы
интернет-издания
блоги

литературный портал и магазин современной литературы и периодики

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

РЕКЛАМА



ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 21 ГОД.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),



телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор романа «Преступление и наказание».
5. Автор романа «Пролетая над гнездом кукушки».
7. Автор романа «Унесенные ветром».
8. Автор романа «На западном фронте без перемен».
11. Автор романа «Три мушкетера».
12. Автор романа «Джейн Эйр».
13. Автор романа «Двойная звезда».

По вертикали:

2. Автор романа «Отверженные».
3. Автор романа «Приключения Алисы в стране чудес».
4. Автор романа «Властелин колец».
6. Автор романа «Лето Господне».
9. Автор романа «Сто лет одиночества».
10. Автор романа «Имя розы».
14. Автор романа «Война и мир».

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.



Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 4581 Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528



9 772949 352007